

ВАКИНСКИЙ РАБОЧИЙ ВПЕРВЫЕ ВЫШЕЛ В АПРЕЛЕ 1908 Г. И ИЗДАВАЛСЯ БАКИНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ Р. С. Д. Р. П.

РАБОЧИИ

№ 125 (557)

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

№ 125 (557)

Подписная плата (без доставки) — 100.000 р. в месяц. Рукописи и рисунки не возвращаются ни с кем не берутся.

Орган Центрального и Бакинского Комитетов Азербайджан. Коммунистич. партии, Азика и Баковета.

Редакция — Миллиторская, 4, 3-й этаж. Прием рукописей от 9 до 1 ч. и от 4 до 8 ч. Общ. тел. редакция 38-87, редактора 3-08.

Пятница, 9 июня 1922 года.

Контора — Миллиторская, ул. Меркурьева, 1 ст. Прием объявлений и заказов от 9 до 2 час. Тел. конторы 9-64, типограф. с. 91 и 5-12.

Помогите голодному!

Ни одного безучастного!

Новая экономическая политика принесла с собой массу огромнейших противоречий. Среди них особенно бросается в глаза противоречие между разгулом шика, роскошью магазинов витрин, с одной стороны, и ужасающим, неслыханным, доходящим до людоедства голодом, с другой стороны.

В такой обстановке невиданного, ужасного, жуткого контраста не говорить и не убеждать, а кричать и требовать нужно: Помогите голодающим!

Советская власть поставила своей первой задачей помощь голодающим. И она помогает им, заботится о них, как не могла бы помогать и заботиться ни одна другая власть.

Погать

Голод и церковь. Церковь в борьбе с голодом и сделала гораздо меньше, чем голод в борьбе с церковью. «Доброхотство» даяния церкви на голодающих были до смешного ничтожны.

В 42 губерниях, по данным далеко не окончательным, из 25 млн. человек — 17 млн. 18 тыс. 65 тыс. человек — 11.415 тысяч 39 тысяч 78 человек, брашналов и алмазов — 13681 штука, весом в 1165 кг, золота — 3835 шт., 9 кг, 2 г, 11 ф. 34 г.

Как же производится реализация церковных ценностей? — С начала кампании по изъятию, по мере поступления церковных ценностей в госбанк, было приостановлено и реализация их на аукцион.

Женщина с золотыми обручами.

Сударыня, я знаю, вы увидите эти строки, вам приходится раскрывать рабочую агитку, потому что революция закрыла вашу газету, благочестивую сiletницу, печатающую рядом с кротким политическим взглядом, солидную «странничку».

Горничная, девушка в платочке, простая русская горничная с вздернутым носом и бесцветными глазами, одна из тех, которых вы браните по утрам на кухне вашим ангельским голосом, принесла мне письмо из деревни Уфимской губернии, самое обыкновенное деревенское письмо.

тарелок и ножей. — вы вспомните темную избу, одинокого мужчину, который продал ее, чтобы купить два фунта черного хлеба и умереть от этого ужаса, от этого счастья.

Те, которые умерли с голоду, околели от злужих морозов, сдены озверевшими людьми и сами покончили со своей мерзкой беспросветной жизнью, остались где то далеко, на выжженных солнцем и морозом полях бесцельной Волги.

Их много... От грудных детей до седобородых стариков и дряхлых старух, они разбросались вблизи солдатских казарм, сверкая на солнце своим разноцветным тряпьем.

В самом деле, сударыня, золотые обручи, которыми вы украшаете вашу женственность — ведь это пудры зерна, спасительной муки, десятки спасенных жизней!

ХЛЕБА!

В кошмарных пустынях, На берегах реки голодной Сердце крестьянское стонет Слышите!... Стои народный!... В бременных избойках Умирающих деревень, Старика и старухи, И дети... Каждый день Под покровом голодного неба, Умирая кричат: — Хлеб!... Дайте нам хлеба, И снова на зель попадае молчат... — Эй!... — Спасите... Слышите вечером крик. Деревья опухающие жители От зари, до зари, Проклиная, проклятый свой жербый Кричат: — Хлеб!... товарищи хлеба! И застывая опять молчат. Вернувшись в людоедское зерниное Пшеницу равнодушно почи голодные, длинные, И такие же дни... А в это время, по городам, Куда ни взгляни, Под Нипо-чимми: куплю — продам, Распознается разлука обжорный... Поглядя проворно Кучи котлет Каждый считает себя гражданином Не замечая что он людоед... Позорно, позорно! Надсмехаться над кладбищем Волжских равнин...

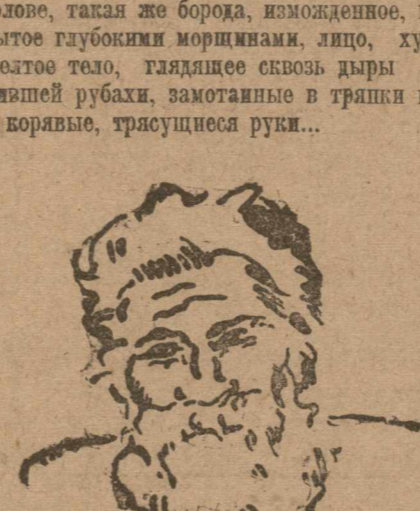
Кладбище живых.

Те, которые умерли с голоду, околели от злужих морозов, сдены озверевшими людьми и сами покончили со своей мерзкой беспросветной жизнью, остались где то далеко, на выжженных солнцем и морозом полях бесцельной Волги.

Их много... От грудных детей до седобородых стариков и дряхлых старух, они разбросались вблизи солдатских казарм, сверкая на солнце своим разноцветным тряпьем.

Видно и не видно даже газетчиков. Очевидно, книга и газета здесь еще пред мет рослыми.

Голодная Волга.

В Сызрани тихо и скучно... На улицах не видно даже газетчиков. Очевидно, книга и газета здесь еще пред мет рослыми.

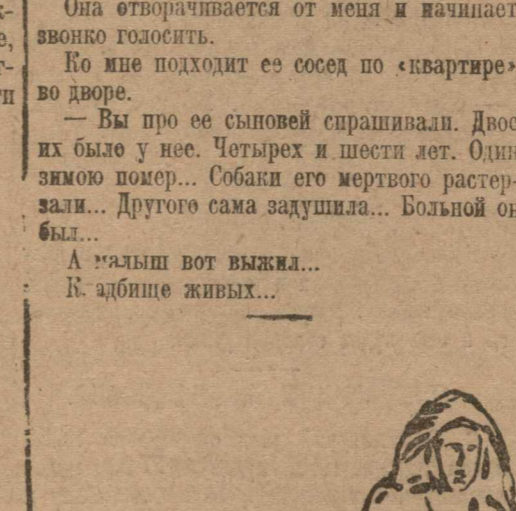
В Саратове На саратском кладбище образовалась длинная «очередь», ждущих погребения трупов. Могилашки не успевают рыть могилы. Трупы оставшиеся непогребенными растаскиваются голодными собаками.

Не старик не оглядывается, не обращает внимания на нее. Пусть помирает. Его такими явлениями не удивишь. Одной смертью больше, одной меньше, — не все равно.

Четверо у меня сыновей было, — ни к кому не обращаюсь, в каком то забвении, рассказывает старик. — Один в солдаты пошел, двое с голоду околели, четвертый на заработки пошел... А куда пошел, — не знаю. Сказывали люди, что в Нуху... Духу то сыновей забрала смерть, а меня все не берет.

Дальше! Молодая женщина с годовалым ребенком на руках. Жесткое, прозрачное лицо. Тонкие, как спицы, руки. Выпуклые глаза. Ребенок, без волос на голове, маленький — маленький, словно гипсовый куколка, прилеп к выакой груди и заливается тихим, бесильным плачем.

Голодная Волга.

В Сызрани тихо и скучно... На улицах не видно даже газетчиков. Очевидно, книга и газета здесь еще пред мет рослыми.

В Саратове На саратском кладбище образовалась длинная «очередь», ждущих погребения трупов. Могилашки не успевают рыть могилы. Трупы оставшиеся непогребенными растаскиваются голодными собаками.

Дальше. Восьмилетняя девочка. Круглая спрота. Потеряла отца, мать, двух сестер и одного брата. Каким то чудом пробралась сюда. Питается пшухой и отбросами из помойных ян.

Старик, помираю... снова шепчет старуха, бессильно, ворочаясь на одном месте.

В городе зажглись огни. Яркие, вырывающиеся, наглые огни. Наступил ветер. Театры распахнули широко свои двери. Бульвар расставил свои безжелезные столбы.

Голодная Волга.

В Сызрани тихо и скучно... На улицах не видно даже газетчиков. Очевидно, книга и газета здесь еще пред мет рослыми.

В Саратове На саратском кладбище образовалась длинная «очередь», ждущих погребения трупов. Могилашки не успевают рыть могилы. Трупы оставшиеся непогребенными растаскиваются голодными собаками.

